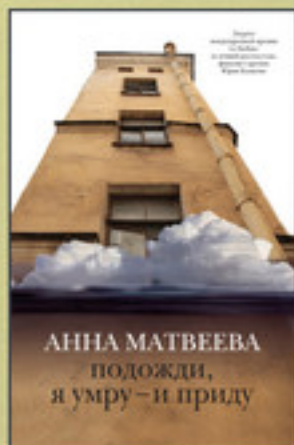

Анна Матвеева

Остров Святой Елены

*Часть сборника
Подожди, я умру – и приду
(сборник)*

Анна Матвеева

Остров Святой Елены

«АСТ»

2012

Матвеева А. А.

Остров Святой Елены / А. А. Матвеева — «АСТ», 2012

ISBN 978-5-457-23638-7

«Лене пятьдесят шесть, она любит того же и так же, как в девятнадцать. Лена думает, что совсем не изменилась – потому рудиментарная, многожды осмеянная прическа с чулком в волосах и снова модная кофта-лапша, которую Лена бережет: надевает аккуратно, пришивает свежие подмышечники...»

ISBN 978-5-457-23638-7

© Матвеева А. А., 2012

© АСТ, 2012

Анна Матвеева

Остров Святой Елены

Лене пятьдесят шесть, она любит того же и так же, как в девятнадцать.

Лена думает, что совсем не изменилась – потому рудиментарная, многожды осмеянная прическа с чулком в волосах и снова модная кофта-лапша, которую Лена бережет: надевает аккуратно, пришивает свежие подмышечники. Тридцать лет Лена выщипывает брови и рисует сверху темно-серые полосы, Лена носит тяжелые серебряные браслеты и толстые кольца того же металла: и украшения, будто сговорившись, шепчут правду о недавно отмеченном фруктовым шампанским юбилее, указывают, как стрелками, голубые бухлые жилки, покрывшие обезьяньи лапки тесным узором.

У Лены духи «Клима». Босоножки на платформе. Ноги с венозным рисунком и редкими тонкими волосками, которые она задумчиво выдергивает пинцетом во время разговоров по телефону. Телефон стоит в коридоре на полочке, и поздно вечером, если прислониться к двери Лениной квартиры, можно услышать все ее разговоры. Впрочем, хватило бы одного: Лена не меняет тем и говорит всегда с одной подругой. Остальные совсем потеряли интерес к застывшей, будто пемза, Лениной жизни и зачеркнули ее адрес и телефон в записных книжках решительным движением руки или мысли.

Все годы прожиты в одной квартире. Мама родила Лену поздно и потому думала, что дочь – ее личная собственность, такая же, как телевизор, прикрытый бархатным занавесом, словно маленькая сцена. У Мама были еще два кота – Петя и Мося, и обоих Мама кастрировала, обливаясь слезами, чтобы они не взяли вольную, нарушив Мамин интерес. Если бы можно было, Мама обеспонила бы и Лену, впрочем, ее воспитание абсолютно заменило эту мучительную операцию. Лена не гуляла с мальчиками, не звонила им по пубертату или пьяни, как это случалось с ее подругами (особенно с той Мариной, которой Лена звонит иногда, выщипывая волоски на ногах), Лена не вышла замуж, и Мама иезуитски ругала ее за это, втайне благодаря Бога (с ним у Мама было заключено некое соглашение, по которому можно регулярно убивать жизнь в собственном ребенке, только ходи в церковь и молись о спасении души).

Лена окончила педагогический институт – фабрику по производству старых дев и долго педагогила в школе. Детей она не любила и не хотела: школьники пугали ее своей непредсказуемостью, а главное – устрашающим количеством. Лене даже и в голову не приходило, что по отдельности они ведут себя по-другому. Вечерами Мама счастливо слезилась глазами, когда они с Леной сидели у телевизора, откинувшего бархатный, в бомбошках пол, и как бы со стороны Мама видела их тонкие пальцы, играющие спицами, и вязаные полотна, спадающие на ситцевые цветочные халаты. По телевизору передавали сатириков, и Мама угодливо смеялась, желая возместить Лене собственноручно спродюсированное одиночество.

Дочь никогда бы не призналась вредной ревнивой старухе в том, что любит и полюбила уже давно – еще в девятнадцать, и даже не девушка уже. Тут у пока еще тридцатилетней Лены краснели щеки сквозь пудру «Кармен», а белый недовязанный шарф отливал розовым; впрочем, может, это только казалось слеповатой Маме, пристально и подолгу наблюдавшей собственное сокровище, понуро высчитывающее лицевые и изнаночные.

Девятнадцатилетнюю годовщину поступления в Мамино рабство Лена справляла дома, с подругами. Подруги хотели мужского общества, внимания, танцев и кухонно-ванных поцелуев, и поскольку Мама никогда бы не смирилась с таким развратом (на этом слове у Мама топорщились реденькие, будто у подростка, усики), то день рождения быстро закон-

чился. Полувысохшие салаты, обильно сдобренные майонезом, укоризненно смотрели на Лену круглыми глазками горошин, увядшие листики петрушки и кинзы в граненом стакане пародировали ее настроение, и когда за последней – самой терпеливой, – Мариной, хлопнула дверь, обитая вишневым дерматином, Мама торжественно внесла в комнату торт с девятнадцатью свечами, плотно вкрученными в засыпанный измельченной крошкой, хорошо пропеченный корж.

Лена выбежала из комнаты с синими ожогами в глазах от этих ненужных и никому не интересных свечек, она чувствовала себя такой нелепой, что ее чуть не задушила обида, как это бывает только в день рождения. Мама недоуменно посидела возле полуразграбленного стола, потом вздохнула и начала нарезать торт на ровненькие треугольные кусочки. Ловко подцепила один из них лопаточкой и опрокинула в свою тарелку. Лена тем временем быстро оделась, всхлипывая и заливая свитер черными от ленинградской туши слезами. Ей просто хотелось убежать вон из этого маленького жилища, где с ней считались не больше, чем с кошками Петей и Мосей.

Это был первый и последний бунт Лены, вспыхнувший от пламени тех самых именинных свечей. Она пронеслась мимо задумчиво поглощавшей торт Мама, убирая на ходу волосы в узел.

Платье, сшитое Мамой из импортного поплина, валялось на полу скомканное, будто вчерашняя газета. Мама аккуратно подняла его, отряхнула и повесила на плечики. Потом собрала посуду, последовательно очищая тарелки от объедков и укладывая их одна в другую, будто играла в какой-то странный конструктор. Вскоре на кухне зашумела вода, и кошки заступили на вечернюю службу возле своих мисочек.

Лена бежала долго, пока не начала задыхаться. Тогда она остановилась и пошла, но тоже быстро, будто опаздывала на самолет. Она забыла взять плащ, и теперь пришла пора пожалеть об этом – тучи уже синели над головой, наливаясь и зрея, будто гигантские виноградины, откуда-то издалека неслись тихие бормотания грома. Лена вытянула рукава свитера и спрятала руки, сцепив их так крепко, как могла. Она уже не плакала, только по привычке всхлипывала, и еще брови у нее никак не могли опуститься, заняв страдальческое место на лбу почти у края волос.

Такой он и увидел ее – девушку Лену, как стал потом говорить. Он ехал по набережной в большой нарядной машине и смотрел на Лену через стекло.

Машина остановилась, и он вышел – невысокий, некрасивый, не, не, не, неважно, он посмотрел на Лену еще раз, взял за плечи и повел в машину. Как раз начался дождь, темные капли покрасили асфальт и принялись за стены домов. Лену били страх и холод, она старалась не смотреть в зеркальце, откуда глядели незнакомые глаза – такие же темные и крупные, как будто первые капли дождя на асфальте.

Образованная Лена сразу поняла, кого он ей напоминает – случайный спаситель на механическом коне, тот мужчина, в которого она уже была влюблена с первых тактильных ощущений, которые достались плечам, и плечи теперь горели, будто подожженные. Даже имя его – Николай – совпадало заглавной буквой с героем, которого Лена давно выбрала из тесных колонн великих людей, запрудивших просторную площадь Истории.

Репродукция давидовской «Коронации в Нотр-Дам-де-Пари» висела у Лены над письменным столом, и она хорошо помнила странно современную стрижку императора, его осанку и упрямый нос. Она была влюблена в Наполеона давно и уже навсегда безответно, потому, увидев живое воплощение своей любви за рулем, уверенно ведущее стального жеребца сквозь хлещущие потоки почти тропического ливня, ей не оставалось ничего другого, как совместить две любви в единое целое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.